

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

НИКОЛАЙ МАРЧУК

**ЧВК «ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ»
СВО В АФРИКЕ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М30

Серия «Военная боевая фантастика»
Выпуск 63

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Марчук, Николай Петрович

М30 ЧВК «Вольные стрелки». СВО в Африке : роман / Николай Марчук. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2025. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-170780-4

Григорий Петрович Чехов, военнослужащий 10-го ОДШБ, летом 2023 года в ходе выполнения боевого задания в зоне СВО героически погиб. Его группа столкнулась с вражеской ДРГ, завязался бой, он выносил раненых боевых товарищей и погиб. В себя пришел в гостиничном номере, где на полу лежал труп, в ванне — связанный негр, а над ним стоял какой-то тип с пистолетом в руках. На стене — календарь за 1981 год, а за окном — африканский пейзаж...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-170780-4

© Николай Марчук, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Пролог

Как же тяжело...

Черт возьми, как же тяжело!!!

Глаза залиты потом и кровью из рассеченного лба. Руки онемели и потеряли чувствительность, пальцы не ощущаются совсем, будто бы их и нет вовсе. Каждые пять-семь секунд нервно озираюсь назад, чтобы убедиться, что по-прежнему тащу раненых Креста и Финика.

Парни здоровые, каждый под центнер весом, плюс на обоих еще что-то из обвеса осталось, с Креста даже бронежилет не сняли. Тут одного попробуй утащи. Порой вчетвером тащишь носилки с «трехсотым» и то упахиваешься как мул до кровавого пота и радужных пятен перед глазами. А сейчас я тащу сразу двоих — ухватил их за транспортировочные лямки на спине и ручки брезентовых носилок, дернул на морально-волевых и попер тащить пацанов, вынося из красной зоны из-под обстрела. Как прошел первые два десятка шагов, не понял, просто рванул и попер. Видимо, на адреналине.

Падла, как же тяжело...

С трудом переставляю ноги, будто они отлиты из свинца или вытесаны из гранитного монолита. Пальцы намертво схватились за лямки, хрен их теперь разогнешь. Руки вывернуты назад. Из ощущений только жжение внизу, как будто бы кипяток стекает по ногам в ботинки.

Шаг, упор ноги, отталкиваюсь, снова шаг, опять упор ноги. Тащу двоих раненых за лямки. Уже не чувствую ничего. Глаза залиты кровью, я не вижу дороги. Есть только шаг вперед, еще один. Надо идти, надо тащить, надо шагать. Парни сами себя не вытащат, они ранены. Есть только я. Надо пройти вперед, совсем чуть-чуть. Пару шагов еще. А там свои! Кто-то да встретит. Надо пройти совсем немного.

Сквозь шум в ушах и дикую боль во всем теле слышу, что вокруг рвутся мины, гремят взрывы, но мне пофиг, я иду, тащу пацанов к своим. Волоку сынков в безопасный тыл...

Спина настолько онемела от боли, что стала невесомой. Я не чувствую ни рук, ни ног. Я не вижу, куда иду. Даже оборачиваясь, чтобы поглядеть, не оторвались ли мои руки, уже не вижу бритые головы Креста и Финика, которых тащу к своим.

Я стал невесомым, я стал легким...

— Глобус! Глобус! — слышу сквозь кровавую пелену тумана. — Петрович, все... все, отпускаяй. Отпускай, тебе говорят!

— Ы-ы-ы, — пытаюсь я что-то сказать, но вместо членораздельной речи из моего рта вырывается только глупое мычание. — Ы-ы-ы!!!

Даже говорить и то больно, как будто в рот насыпали песка и заставили его прожевать.

— Полежу чутка, отдышусь, — шепчу я, мешком валясь на землю.

Меня подхватили, начали стягивать бронезилет, амуницию. Я ничего не вижу, кровавый туман застилал глаза.

— Глобус! Старина, это Жак, все нормально. Ты дотащил их, все нормально! Пацаны живы... Финик жив!

Я чувствую, как чем-то влажным мне обтирают лицо. Ноги подгибаются, и меня бережно опускают на землю.

— Жак! Жак! Не могу понять, куда ранен Глобус, — слышу над головой обеспокоенный голос Жакета, помощника Дока. — У него обе ноги все в крови, а раны нет? Все целое.

— Твою мать! — ругается надо мной Жак. — У него, похоже, от напряжения артерия лопнула.

Жак — хороший мужик, отличный медик, верный товарищ, хорошую мне мазь от геморроя посоветовал, но матерится много. Нельзя так, надо стараться меньше ругаться, все-таки ему уже под сраку лет и вокруг много молодых парней, которые берут с него пример. Оно понятно, что война вокруг и не до сантиментов, а на войне матом не ругаются — на нем тут разговаривают, но все же...

Мне стало легко и свободно. Боль прошла. Чертовски хорошо, будто лежишь дома в теплой ванне. За дверью слышно, как бегают малышня по дому. Приехал в гости старший сын

со своими детьми, моими внуками. Жена готовит на кухне пирог, в духовке доходит мясо. Я еще немного полежу в горячей воде и выйду к своей семье. Родные встретили батьку, вернувшегося с фронта. Как же хорошо дома!

Как же хорошо...

Глава 1

Шуршание и раздраженный бубнеж на английском заставили открыть глаза. Я лежу на постели, а прямо передо мной, буквально в паре метров, повернувшись ко мне спиной, стоит какой-то тип, который ковыряется в раскрытом пластиковом дипломате. Вещи, вытасченные из дипломата, валяются на полу, на столе разложены бумаги, кошелек, наручные часы, деньги...

Деньги? В глаза бросились разномастные банкноты экзотической наружности и пестрой окраски с негром в очках. Это точно не российские рубли и не американские доллары.

Черт! А где это я оказался?

Гостиница? Хостел?!

Обстановка поражает своим аскетизмом и одновременно тщательно подобранным стилем, кто-то старательно собрал в одной комнате олдскульные вещи из восьмидесятых: древние бумажные обои на стенах с одинаковым принтом, вытертый коврик посередине комнаты, деревянный обшарпанный стол с круглой столешницей, низкое кресло, древний торшер без

абажура с лампой накаливания и в довершение — бумажный календарь на стене, на котором огромными цифрами написано — 1981 год...

Еще мне видна плитка бледно-голубого цвета, которой облицованы стены в ванной комнате. Там же, совершенно дремучий унитаз и сливной чугунный бачок, расположенный высоко под потолком на длинной железной трубе со свисающей вниз цепочкой слива. Все настолько убого и стрёмно, но при этом не выглядит старым, что создается впечатление, будто я попал в жилище сорокалетней давности. Кудато в начало восьмидесятых, когда народ еще не слышал об унитазах-компактах, светодиодных лампочках и мебели, собранной из ЛДСП¹.

Это ж надо как кто-то заморочился и расстарался, чтобы стилизовать обстановку под такую древность. Не хватает только бобинного магнитофона и черно-белого телевизора с рогатой антенной, причем крышка телевизора обязательно должна быть накрыта вязаной салфеткой.

— Месье, а какого хрена тут происходит? — почему-то обратился я к незнакомцу на французском. — Вы случайно номером не ошиблись? Или это я к вам по пьяни завалился?

Говорить было тяжело, язык с трудом ворочался в онемевшем рту, десны, щеки и челюсти онемели, будто бы от укола анестезии стоматолога. Я что, еще умудрился и к зубному врачу попасть?

---

¹ Ламинированная древесно-стружечная плита.

Незнакомец дернулся, испуганно подскочил, резко развернулся, одновременно хватая пистолет, лежавший на столе. Я хоть и чувствовал себя хреново, но инстинкты, вбитые в мое тело на войне, работали отдельно от моего затуманенного мозга. Ударил незнакомца ногой, пнув его в пах, подскочил с кровати, на которой до этого лежал абсолютно голый, ухватил со стола квадратную бутылку виски и ткнул ее горлышком в рот парня с пистолетом. Рот незнакомца был удивленно раззявлен, поэтому бутылочное горлышко вошло в открытый рот без проблем. Парень почему-то заорал как резаный, поперхнулся хлынувшим в его глотку алкоголем, выронил пистолет, оттолкнул меня и рванул прочь из комнаты в сторону открытой двери, ведущей в ванную.

Я аккуратно подобрал пистолет с пола, подивившись незнакомой модели, весьма похожей на оружие Никулина из фильма «Бриллиантовая рука».

Добежать до ванной парень не успел, он пошатнулся, споткнулся и упал на пол, начав биться в конвульсиях.

— Парень? Парень? Ты чего?! — Я подскочил к незнакомцу, перевернул его на бок, потому что у него изо рта хлынула пена неестественного кремового цвета. — Что за фигня?! Да, что с тобой, черт возьми?!

Молодого человека били конвульсии, пальцы скрючились, лицо посинело, а из-за рта вырывались хлопья пены.

Я рванул к прикроватному столику, на котором стоял дисковый телефон. Столик расположился с противоположной стороны двухспальной кровати, на которой я до этого валялся. Надо срочно вызвать «скорую помощь», похоже, у незнакомца то ли эпилептический приступ, то ли какая-то аллергическая реакция. Я не Жак, в подобной симптоматике не разбираюсь.

— Черт возьми?! — испуганно отпрыгнул я, чуть не налетев на лежащую на полу девушку. — Да что же это такое происходит?! Кто ты?

Девушка не ответила, потому что была мертва. Стекланные глаза неестественно округлены, глазные яблоки ощутимо вылезли из своих орбит. Рот открыт, а шея и грудь испачканы рвотными выделениями и засохшей пеной. На темной коже лица выделялись сведенные параличом светлые скулы. Только сейчас я обратил внимание, что девушка была абсолютно голая, да к тому же еще и негритянка. Да-да, негритянка! Или африканка? Черт его знает, как правильно говорить?

Мертвая женщина в одном номере со мной. Голая мертвая женщина в одном номере со мной! Кстати, а я ведь тоже совершенно голый. Где моя одежда?! На полу возле стола валялась скомканная одежда: пиджак, брюки, майка, рубаха, трусы, носки и туфли.

Да что здесь происходит?! Куда я попал? Где это я вчера так знатно забухал, что проснулся голый в гостинке с мертвой бабой и каким-то чудиком с пистолетом в руках.

Стоп?!

Я же ничего не помню. Совсем ничего! Последнее воспоминание — это как я тяну за лямки двоих «трехсотых», вытаскивая их из красной зоны. Мы шли группой в тыл к чубатым и нарвались на такую же ДРГ, идущую встречный курсом. Короткая перестрелка! Креста и Финика сразу же скосило, я бросился их вытаскивать, а Псих и Бамут прикрывали отход.

Все!

А, нет... стоп, вспомнил, последнее — это голос Жака, нашего медика, который говорил, что у меня от перенапряжения разрыв артерии. А потом я открываю глаза и уже лежу голый на кровати, а рядом стоит какой-то пацанчик и роется в дипломате.

Сука, это что ж надо было такое пить, чтобы ни хрена не вспомнить? И почему я оказался голый в номере, да еще и с мертвой негрятянкой?! Жена узнает, она меня на хрен убьет! Твою ж мать!

Мысль о жене и ее реакции на увиденное в гостиничном номере вызвала у меня приступ паники. Что делать? Как разрулить такой эпичный косяк? Как?! Что же такое придумать, чтобы выпутаться из всего этого?

Я схватил себя за голову, помассировал ладонями лицо, чтобы хоть как-то разогнать кровь и стимулировать мыслительную деятельность.

Не понял? А это что такое?! У меня что, усы? Усы?!!

Я ощутил под пальцами приличных размеров усы у себя под носом. Усы я принципиально не ношу, могу не бриться какое-то время, растая, как мачо или чмо — тут у каждого свои критерии, — но, чтобы сбрить растительность на подбородке и щеках, оставив усы, такого со мной никогда не было.

Я растерянно завертел головой, выискивая зеркало на стене, потом мазнул взглядом по столу и тумбочке в надежде увидеть мобильный телефон. Мой взгляд споткнулся о лежащего на полу паренька.

Я же хотел вызвать «скорую». А тут труп негритянки сбил меня с толку. А еще эти усы на моем лице. Епта, какой все-таки эпичный залет!

— Эй, парень, тебе не полегчало? — спросил я лежащего на полу.

Схватил его за плечо и тут же испуганно отдернул руку. Парень явно был мертв, его лицо исказила предсмертная гримаса. Он посинел, превратившись по окрасу в баклажан, а скулы, наоборот, побледнели, явно выделяясь на фоне остальной синюшности лица. Кстати, очень похоже на гримасу и расцветку лица мертвой негритянки. У покойника прокушена нижняя губа, кровь стекла тонкой струйкой на подбородок, который перемазан пеной, обильно выступившей изо рта. Охренеть!

Два трупа в одном гостиничном номере со мной. Это что ж такое произошло вчера, что я ни хрена не помню? Стоп! Что я еще помню

из последнего? Я вновь начал катать тяжелые мысли в голове, пытаюсь хоть что-то восстановить в памяти. Нет, ничего нового! Лишь одни взрывы повсюду, я тащу раненых, мне очень тяжело — и только голос Жака, когда силы покидают меня. Вот и все. Как ни старался, больше ничего вспомнить не удалось.

Жутко захотелось пить. Я было кинулся к стоявшим на столе бутылкам, но потом глянул на лежащие на полу трупы. Причиной смерти стал яд, тут к бабке не ходи. Значит, ничего со стола брать нельзя, а уж тем более пить или есть. Пацанчик, скорее всего, помер вследствие того, что я ему сунул в рот бутылку с виски, он его ненароком хлебнул и отравился. Похоже, ядом была заряжена именно бутылка с виски. Это что ж получается, что я его и убил? Твою ж-ж-ж мать!!

Осторожно поднял бутылку с пола, тщательно протер ее носовым платком, потом сунул в руки мертвеца и старательно понажимал на стекло его пальцами. Не знаю, останутся ли после этого на стекле его отпечатки пальцев, но уж точно будет лучше, если там будут мои.

Надо срочно выпить воды, а то от этого сушняк во рту ощущение наждака и голова очень сильно болит.

Дернул ручку двери, ведущей, как я видел, в ванную комнату... Напьюсь воды из-под крана. Паренек, которого я напоил ядом, когда подбегал к двери, с разгона врезался в нее, и она захлопнулась.

Ванная комната небольшая — два на два метра. Справа — ванна, слева — унитаз, между ними раковина с зеркалом.

В ванне лежит связанный чернокожий мужик с кляпом во рту, похоже военный, даже генерал. Из-за кляпа генерал мычит и стонет, а из-за того, что он черный, как сажа, то его в темноте не видно. Падла, напугал!

Я клацнул выключателем и, совершенно обалдев, замер... Нет, не от вида генерала в ванне, к тому же при свете электрической лампочки под потолком стало видно, что никакой он не генерал, а всего лишь швейцар в убого расшитом мундире. Замер я от того, что увидел в отражении зеркала. Из зеркала на меня смотрел мой отец. Да-да! Именно мой отец — Петр Андреевич Котов. Изображение было точь-в-точь как на фото из старого семейного альбома, хранившегося у матери. На том фото отцу было тридцать лет. Сделано оно было перед той самой командировкой в Африку, из которой он спустя несколько лет вернулся домой в гробу. Мне тогда было всего два года.

Этого не может быть! Не может быть!

Я вышел из ванной комнаты, хладнокровно переступил через мертвое тело на полу, подошел к окну и осторожно выглянул через занавеску.

Твою ж за ногу!

Земля красного цвета, обилие тропической растительности, стайка чернокожих босоногих ребятишек в минимуме одежды, да еще и корова